

Классическое наследие

М. Вебер

КЛАСС, СОСЛОВИЕ, ПАРТИИ¹

Экономически обусловленная власть и «социальный порядок». – Обусловленность классов рыночным положением. – Общественное действие, основанное на классовом интересе. – Виды «классовой борьбы». – Сословная «честь». – Гарантии сословного расчленения (Gliederung). – «Этническое» деление и «каста». – Сословные привилегии. – Экономические последствия и предпосылки сословного расчленения. – Партии.

Всякий (не только «государственный») правовой порядок воздействует через свою форму непосредственно на *распределение власти (Macht)* – как экономической, так и любой другой – внутри рассматриваемой общности (Gemeinschaft). Под «властью» мы хотим здесь понимать в общем шансы человека или большой группы людей осуществить свою волю в общественном действии даже и при наличии сопротивления других участников этого действия. «Экономически обусловленная» власть, конечно, не тождественна «власти» вообще. Возникновение экономической власти, более того, наоборот, может быть следствием власти, существующей благодаря другим основаниям. Но власть, в свою очередь, преследует не только экономические цели (обогащение). Власть, в том числе и экономическая, может цениться «ради себя собой» и очень часто стремление к ней обусловлено социальной «честью», которую она приносит. Но не всякая власть приносит социальную честь. Типичный американский босс, равно как и типичный крупный спекулянт, сознательно отказывается от нее, и, в общем, «просто» экономическая власть, собственно «голая» власть денег, ни в коем случае не является признанной основой социальной «честью». И, с другой стороны, не только власть является основой чести. Но, напротив, социальная честь (престиж) может быть основой власти также и экономического рода, и очень часто выступала в этой роли. Правовой порядок может гарантировать как власть, так и честь. Но он, по меньшей мере, обычно не является их изначальным источником, а выступает в этом случае как приложение (Superadditum), которое увеличивает шансы их собственности, но не всегда может гарантировать ее. Способ, в соответствии с которым социальная «честь» распределяется между типичными группами общности, мы хотим назвать «*социальным порядком*». К «правовому порядку», естественно, она относится так же, как и к хозяйственному порядку. С последним социальный порядок не тождественен, потому что хозяйственный порядок для нас является все же исключительно способом распределения и использования экономических благ (Güter) и труда (Leistungen). Но социальный порядок, конечно, в высшей мере обусловлен им и обратно воздействует на него.

Феноменами распределения власти внутри общности являются «классы», «сословия» и «партии».

«*Классы*» – это не естественно сложившиеся общности (Gemeinschaften) в установленном выше смысле, они представляют собой только возможные (а часто и реальные) основания для общественного действия (Gemeinschaftshandeln). Мы хотим говорить о «классе» там, где 1. большому количеству людей присущ одинаковый специфический причинный компонент их жизненных шансов, насколько 2. этот компонент связан исключительно с экономическими интересами собственности и экономической деятельности и, причем, 3. реализуется в условиях существования *рынка* благ или труда («классовое положение»). Са-

---

¹ Перевод сделан по изданию: Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1925. S. 631-640. Фрагмент представляет собой четвертую главу второго полутoma произведения. Опубликовано в: Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 139-156.

мый элементарный экономический факт заключается в том, что определенный вид вещной собственности, как и способ распоряжения ею, специфическим образом распределены в рамках совокупности людей, встречающихся и конкурирующих на рынке с целью обмена, что само по себе уже создает специфические жизненные шансы. Этот факт, в связи с законом предельной полезности (*Grenznutzgesetz*) лишает неимущих возможности участия в конкуренции за все блага с высокой стоимостью в пользу имущих и приводит к монополизации последними экономической деятельности (*Erwerb*). Он монополизует при обыкновенно равных обстоятельствах шансы обмена доходами (*Tauschgewinnchancen*) для всех тех, кто, будучи обеспеченным благами, не был просто принужден к обмену и, в общем, увеличивает, по меньшей мере, свою власть в борьбе цен (*Preiskampf*) с теми, кто не имеет собственности, кто не может предложить ничего, кроме способности к труду в естественной форме или в форме продуктов собственного труда и потому, безусловно, вынужден предлагать их по пониженным ценам для обеспечения своего существования вообще. Он монополизует возможность переводить собственность из сферы использования в качестве «состояния» в сферу использования в качестве «капитала», следовательно, предпринимательские функции и все шансы прямого или непрямого участия в прибыли на капитал для собственников. Все это происходит внутри сферы действия чистых рыночных отношений. «Собственность» и «отсутствие собственности» («*Besitzlosigkeit*») являются оттого основными категориями всех классовых положений, независимо от того, осуществляется ли они в борьбе цен или конкурентной борьбе. Но внутри этого разделения классовые позиции дифференцируются далее, с одной стороны, в соответствии с видом (*Art*) используемой в целях экономической деятельности (*Erwerb*) собственности, с другой стороны, в соответствии с выносимой на рынок способностью к труду (*Leistungen*). Собственность на жилища, мастерские, помещения (*Lagerhaus*), предприятия торговли, сельскохозяйственные земли и внутри всего этого опять-таки большая или меньшая – количественное различие с возможными качественными последствиями – собственность на рудники, скот, людей (рабовладение), распоряжение движимыми средствами производства или средствами экономической деятельности (*Erwerbsmittel*) всех видов, прежде всего, распоряжение деньгами или специфически легко обмениваемыми на деньги объектами, продуктами своего или чужого труда, различаясь друг от друга разными стадиями подготовленности к потреблению (*Genussreife*), на способные к передвижению монополии (*verkehrfähige Monopole*) какого-либо рода – все эти различия дифференцируют классовые положения имущих, равно как и «смысл», который они могут придавать и придают использованию своей собственности (*Besitz*), прежде всего, своей потенциально обращаемой в деньги собственности, т.е., следовательно, в соответствии с тем, принадлежат ли они, например, к классу рантье или предпринимательскому классу. И равным же образом сильно дифференцируются не имеющие собственности обладатели рабочей силы, как в связи с ее разновидностью, так и с тем, используют ли ее собственники в повторяющемся (*kontinuierlichen*) отношении к покупателю рабочей силы или от случая к случаю. Но общим для понятия класса всегда является то, что разновидность *рыночного* шанса является той инстанцией, которая представляет собой общее условие судьбы индивидуума. «Классовое положение» в этом смысле, в конечном счете означает: «положение на рынке». Но предварительной стадией действительного образования «классов» является то воздействие голой собственности (*Besitz*) как таковой, которая среди скотоводов неимущего в качестве раба или зависимого отдает власти (*in der Gewalt*) собственнику скота. Но в этом случае, конечно, в существовании ссуды на скот и суровой жесткости долгового права таких общностей, впервые появляется чистая «собственность» как таковая как определяющая для судьбы индивидуума, что является резкой противоположностью по отношению к основанным на труде земледельческим общинам. Основой «классовых положений» отношение кредитор-должник стало лишь в городах, где развивались – поначалу еще так примитивно – «кредитный рынок» с характерной для него повышающейся в случае необходимости процентной ставкой и фактическая монополизация ссуд плутократией. С

этого начинается «классовая борьба». Напротив, совокупность людей, чья судьба определяется не через шансы собственного использования благ или труда на рынке – что, характерно, например, для рабов, – в техническом смысле не является «классом» (но: «сословием»).

В этой терминологии экономические, а именно, связанные с «рынком», интересы со всей определенностью и образуют «классы». Но все же понятие «классовый интерес» многозначно, а именно, оно определено не является эмпирическим понятием, поскольку под ним понимается нечто иное, чем с определенной вероятностью проистекающая из классового положения фактическая направленность интересов определенного «среднего» подчиненного им человека. При равном классовом положении и одинаковых иных обстоятельствах собственно направление, в котором отдельный рабочий с определенной вероятностью преследует свои интересы, все же может в высшей степени варьироваться в связи с тем, что он является, в соответствии с имеющей отношение к его труду сообразно его предрасположенности, высоко-, средне- или низкоквалифицированным рабочим. Равным образом сообразно «классовому положению» выросло общественное действие одной более или менее значительной части затронутых им или даже созданная общность (*Vergesellschaftung*), объединяющая их (например, «профсоюз»), которое может сулить отдельному человеку определенный результат или же нет. Ни в коем случае не является универсальным явлением складывание (*Herauswachsen*) созданной общности (*Vergesellschaftung*) или даже *общественного* действия на основе одинакового классового положения. Более того, ее воздействию на порождение существенно *однообразной* (*gleichartigen*) реакции и, следовательно (в используемой здесь терминологии), массового действия, является ограниченным или даже не имеет его своим следствием. Более того, часто возникает только аморфное общественное действие. Примерно так обстоит дело с известным в древневосточной этике «ропотом» рабочего: нравственное осуждение поведения хозяина-работодателя (*Arbeitsherrn*), которое, вероятно, в своем практическом значении оказалось тождественным «препятствованию» (намеренному ограничению производительности труда) работниками (*Arbeiterschaft*) по их молчаливой согласию. Мера, в соответствии с которой из «массового действия» принадлежащих к данному классу лиц, возникают «общественное действие» и, возможно, «созданная общность» (*Vergesellschaftung*), связана со всеобщими культурными условиями, особенно интеллектуальными, и со степенью возникших контрастов, как собственно и с *прозрачностью* связи между основами и последствиями «классового положения». Сильная дифференциация жизненных шансов в себе ни в коем случае, как показывает опыт, не порождает «классовое действие» (общественное действие лиц, принадлежащих к одному классу). Необходимо прояснить обусловленность и последствия классового положения. Только так можно понять контраст жизненных шансов не как нечто просто данное и привнесенное, но как вытекающее 1. или из данного распределения собственности, 2. или из структуры конкретного хозяйственного порядка, а также как то, на что реагируют не актами случайного и иррационального протеста, а в форме рациональной созданной общности (*Vergesellschaftung*). «Классовые положения» первой категории существовали в специфически чистом (*nackte*) и прозрачном виде в средневековье в городских центрах, в античности и, собственно тогда, когда крупная собственность накапливалась благодаря фактически монополизированной торговле промышленными продуктами соответствующих местностей или предметами потребления, и, кроме того, при определенных условиях в сельском хозяйстве самых различных эпох при наличии развитых экономических отношений (*erwerbswirtschaftlicher Ausnutzung*). Важнейшим историческим примером второй категории является классовое положение современного «пролетариата».

Каждый класс, следовательно, может быть носителем какого-либо неисчерпаемого в своем разнообразии «классового действия», но он не является таковым с необходимостью, и, во всяком случае, он не является естественно сложившейся общностью (*Gemeinschaft*), и будет заблуждением рассматривать его как понятие, равноценное естественно сложившимся общностям (*Gemeinschaften*). И то обстоятельство, что люди с равным классовым поло-

жением посредством массового действия закономерно (*regelmässig*) реагируют на столь значимые (*so fühlbare*) для них ситуации, какими являются экономические ситуации в среднем, в направлении, наиболее адекватном интересам – важный для понимания исторических событий, равно как и простой в своей основе факт – ни в коем случае не должно вести к такому виду псевдонаучного оперирования с понятием «класс», «классовый интерес», которое сегодня стало многообразно обыденным делом и нашло свое классическое выражение в утверждении одного одаренного писателя, что якобы только отдельная личность может заблуждаться по поводу своих интересов, тогда как «класс» в этом отношении не знает ошибок.

Следовательно, если классы в себе не «являются» естественно сложившимися общностями (*Gemeinschaften*), то классовые положения возникают все же только на почве естественно сложившихся общностей (*Vergemeinschaftung*). Общественным действием (*Gemeinschaftshandeln*), которое приводит к их возникновению, является, в соответствии со своей сутью, не общественное действие лиц, принадлежащих к одному и тому же классу, а общественное действие, происходящее *между* принадлежащими к разным классам лицами. Например, тем общественным действием, которое непосредственно определяет классовое положение рабочего и предпринимателя, являются: рынок труда, рынок товаров и капиталистическое предприятие. Но существование капиталистического предприятия со своей стороны предполагает существование очень специфического общественного действия, основанного в чистом виде на собственности на определенные блага (*Güterbesitz*) как таковой и, прежде всего, принципиально свободное распоряжение индивидуума средствами производства: «правовой порядок», причем специфического рода. Всякий вид классовых положений, как основывающийся, прежде всего, на власти чистой собственности как таковой, приводит в наиболее последовательной форме к деятельности (*Wirksamkeit*) – если исключены в этом качестве все другие основания для определения взаимных отношений – и, таким образом, реализация (*Verwertung*) власти собственности на рынке проявляется как суверенная сила. К препятствиям для последовательного проведения чистых рыночных принципов относятся «сословия», которые интересуют нас в этом отношении преимущественно только с этой точки зрения. Ранее мы кратко рассматривали их, и дополнительно заметим следующее: об особом виде противоположностей «классов» (в установленном здесь смысле) в общей форме нельзя сказать многого. Большой сдвиг, который охарактеризовал движение от прошлого к настоящему, в этой связи позволяет, пожалуй, резюмировать, с допущением некоторой неточности, что борьба, влияющая на классовое положение, поступательно (*zunehmend*) развивается от формы первоначальной борьбы за потребительский кредит к конкурентной борьбе на рынке товаров (*Güter*) и, затем, к борьбе цен (*Preiskampf*) на рынке рабочей силы. «Классовая борьба» античности, – поскольку она действительно была классовой борьбой, а не борьбой сословий – являлась, прежде всего, борьбой крестьян-должников (и, наряду с этим, также и ремесленников-должников), которым угрожало долговое рабство, против живущих в городах кредиторов. Долговое рабство является, как у скотоводов, так и, кроме того, в торговых и портовых (*Seehandelsstädten*) городах, нормальным следствием дифференциации имущества. Долговое отношение как таковое породило классовое действие еще до эпохи Катилины. Наряду с этим, по мере роста обеспечения городов ввозимым зерном, возникла борьба за предметы потребления и, в первую очередь, в связи со снабжением хлебом и формированием цены на хлеб, которая продолжалась на протяжении всей античности и всего средневековья, и неимущие как таковые в этой борьбе объединялись против лиц, действительно и мнимо заинтересованных в удорожании хлеба и всех жизненно важных товаров вообще, включая и жизненно важные виды ремесленной продукции. В античности и средневековье, и вплоть до Нового времени, о борьбе наемных работников за свои интересы говорилось очень мало, она по значению полностью уступала не только восстаниям рабов, но и борьбе на рынке товаров.

Монополия, привилегия на покупку, перекупка, сокрытие продуктов от рынка для повышения цен было тем, против чего в античности и средневековье протестовали немущие. Сегодня в центре внимания находится, напротив, формирование цены на наемный труд. Переходной формой является борьба за выход на рынок и за формирование цен на продукты, которая происходила на заре Нового времени между издателями (Verlegern) и работающими дома ремесленниками. В целом, общее и потому нуждающееся в упоминании проявление классовых противоположностей, обусловленных рыночным положением, заключается в том, что они по обыкновению принимают наиболее острую форму в отношениях между прямо участвующими в борьбе за цены в качестве противников. Озлобление рабочих направлено не на рантье, акционера, банкира, хотя прибыль – и часто большая по объему или имеющая в большей степени «нетрудовой» характер – течет прямо в их кассу, а не в кассу фабриканта или директора предприятия, а почти исключительно именно на последних как прямых противников в борьбе из-за цены на наемный труд. Этот простой факт очень часто придавал классовому положению исключительное значение для влияния на формирование политических партий. Он сделал возможным, например, самые различные виды патриархального социализма и частые, по меньшей мере, ранее, попытки заключения союза между находящимися в опасности сословными слоями и пролетариатом против «буржуазии».

Сословия (Stände), в противоположность классам, обычно являются естественно сложившимися общностями (Gemeinschaften), хотя часто и аморфного вида. В противоположность чисто экономически определенному «классовому положению» мы хотим охарактеризовать как «сословное положение» всякий типичный компонент судьбы человека, который обусловлен специфической – позитивной или негативной – социальной оценкой «чести», которая связана с каким-либо свойством, общим для многих людей. Эта честь может быть связана с классовым положением: различия классов совпадают в многообразнейших вариациях с сословными различиями, и собственность как таковая, как уже было замечено, приобретала – не всегда, но все же чрезвычайно часто – сословное значение. Во всем мире в соседской общине самостоятельных крестьян (eigenwirtschaftlichen Nachbarverband) «главой» («Hauptling») очень часто является именно самый богатый мужчина, что часто означает чистое предпочтение в чести. Для так называемой чистой, т.е. лишенной любой четко оформленной сословной привилегированности отдельных личностей, современной «демократии» характерно, например, то, что только представители семей, принадлежащие к одним и тем же классам налогоплательщиков, являются партнерами в танцах (как это рассказывают, например, про некоторые маленькие швейцарские городки). Но сословная честь не связана *необходимо* с «классовым положением», более того, она обычно находится в разительном противоречии с претензиями чистой собственности (nackten Besitz) как таковой. Имущие и немущие могут принадлежать к одному и тому же сословию, и это происходит очень часто и с весьма ощутимыми последствиями, хотя, вместе с тем, будет затруднительным сохранение этого «равенства» в социальной оценке в течение длительного времени. Сословное «равенство» американского «джентльмена» выражается, например, в следующем: помимо чисто вещного подчинения на предприятии – там, где еще господствует старая традиция – строго осуждалось бы, если бы самый богатый «шеф» вечерами в клубе, за бильярдом, за карточным столом, в каком-либо отношении не стал относиться к членам своей «команды» («Kommiss») как к во всем изначально равным себе и одновременно осуждался бы всякий, кто захотел бы проявить обнаруживающую различие «положения» снисходительную «благосклонность», от чего немецкий шеф ни в коем случае не может отказаться, что является одной из важнейших причин, из-за которых немецкие клубы никогда не будут обладать притягательной силой американских.

Содержательно сословная честь выражается обычно, прежде всего, в требовании специфического *образа жизни (Lebensführung)* от каждого, кто хочет принадлежать к соответствующему кругу. С этим связано ограничение общения, служащего «общественным»,

т.е. неэкономическим и в целом деловым, «вещным» целям, включая собственно обычный брак, рамками сословного круга до уровня полностью эндогенной среды. Поскольку существует не просто индивидуальное и социально irrelevantное подражание чужому образу жизни, но и согласованное общественное действие соответствующего характера, постольку происходит развитие «сословий». Так, характерным случаем является постепенное развитие «сословного» расчленения (*Gliederung*) на основе конвенционального образа жизни из традиционной (*hergebrachten*) демократии в Соединенных Штатах. Например, только проживающий на определенной улице рассматривается как принадлежащий к «обществу» и достойный общения, и его посещают и приглашают к себе. Но, прежде всего, это выражается в том, что существенным, в незнакомой для нас мере, является строгое подчинение моде, господствующей в обществе – что касается также и мужчин – как симптом того, что данный индивид *pretendует* на обладание качествами джентльмена и в силу этого отличается, по меньшей мере, *prima facie* тем, что он рассматривается в этом качестве, что важно, например, для его шансов на получение работы (*Anstellungschancen*) на «хороших» предприятиях, но, прежде всего, важных для общения и брака в кругу «уважаемых» семей, что у нас примерно соответствует способности «дать сатисфакцию» («*Satisfaktionfähigkeit*»). И, кроме того, живущие в течение долгого времени в данном месте (и, конечно, в соответствии с этим состоятельные) семьи (например, «*F.F.V.*» [*first families of Virginia*] = «первые семьи Виргинии») или реальные и мнимые потомки «индейской принцессы» Покохонтас, отцов-пилигримов, Кникербокеров, лица, принадлежащие к весьма замкнутым сектам, а также выделяющиеся всевозможными способами, благодаря каким-либо другим признакам узурпируют «сословную» честь, возвышающую их над общей массой. В этом случае речь идет о чисто конвенциональном, основанном главным образом на узурпации (как, конечно, на сословной «чести», обычно почти всегда связанной с происхождением), расчленении. Но возникновение на этой основе правовых привилегий (позитивных и негативных) повсюду легко осуществимо, поскольку данное определенное расчленение является фактически «органично присущим» социальному порядку, и вследствие этого достигается стабилизация распределения экономической власти и стабильность вообще. Там, где данные процессы приобретают абсолютную форму, сословие превращается в замкнутую *касту*. Это значит: наряду с конвенциональными и правовыми, существуют еще и ритуальные гарантии сословного расчленения, которые приводят к тому, что для относящихся к «высшей» касте всякое физическое соприкосновение с членом считающейся «низшей» кастой рассматривается как ритуально неприемлемое, религиозно греховное, и отдельные касты создают частично полностью обособленные культы и богов.

Но, конечно, к этим последствиям сословное расчленение приводит, в общем, только там, где в его основе лежат отличия, которые считаются «этническими». «Касты» – это все же нормальная форма, в которой этнические общности, основанные на кровном родстве, исключении брака и социального общения, направленного вовне себя, по обыкновению поддерживают «созданные отношения» («*vergesellschaftet*») друг с другом. Так, для уже упомянутого явления встречающихся во всем мире народов-«парий» характерно: общности, которые культивируют специфические профессиональные традиции ремесленного или иного вида труда, а также общую этническую веру (*Gemeinsamkeitsglauben*), и в «диаспоре», строго отстраняясь, прежде всего, от не являющегося необходимым личного общения и дискриминируемые в правовом отношении, но которые в силу экономической необходимости терпят и часто даже удостаиваются привилегий, существуют в политических общностях в качестве вкраплений (евреи служат тому самым ярким историческим примером²). Ставшее «кастой» «сословное» и обычное «этническое» деление различается в своей структуре тем, что первое создает из горизонтальной, несвязной рядоположенности последнего

² Маркс писал о евреях, что они «жили в порах польского общества, как боги Эпикура в межмировых пространствах» (прим. переводчика).

вертикальную социальную иерархию (Übereinander). Корректно говоря, всеобъемлющие созданные отношения (Vergesellschaftung) объединяют различные этнические общности в специфическом, политическом общественном действии. В своем действии они дифференцируют их именно в том, что этническая рядоположенность, которая обуславливает взаимное отталкивание и презрение, но при этом каждая этническая общность считает свою собственную честь высшей и вносит в кастовое расчленение (Gliederung) социальную иерархию (Übereinander), общепризнанное «больше» в отношении «чести» в пользу привилегированных каст и сословий, поскольку в этом случае этнические различия как таковые стали «функцией» внутри политической общности [Vergesellschaftung] (воины, священнослужители, ремесленники, важные в политическом отношении для войны и строительства и т.д.). Но даже самый презираемый народ-пария делает это, так или иначе, подобно этническим и сословным естественно сложившимся общностям (Gemeinschaften): вера в свою специфическую «честь», которую необходимо культивировать (так в случае евреев). Но у негативно привилегированных «сословий» «чувство достоинства» выстраивается специфическим образом – как субъективное отвержение социальной чести и конвенциональных требований, которое позитивно привилегированное «сословие» в отношении образа жизни предьявляет своим членам. Чувство достоинства позитивно привилегированных сословий, естественно, относится к их не выходящему за свои пределы «бытию», к их «красоте и порядочности» («Schönheit und Tüchtigkeit»). Их царство – «от этого мира» и живет для действительности и великим прошлым. Естественно, чувство достоинства негативно привилегированных слоев может лежать по ту сторону действительности, относясь к потустороннему или посюстороннему будущему, иными словами, оно должно питаться верой в «провиденциальную» миссию, в специфическую честь пред богом в качестве «избранного народа», следовательно, питаться тем, что либо в потусторонности «последние будут первыми», либо в посюсторонности появится спаситель и скрытая от мира честь отверженного народа-парии (евреев) или сословия-парии будет явлена всем. Это простое обстоятельство (Sachverhalt), чье значение можно обсуждать в другом отношении, а не столь акцентированная в поразительной (vielbewunderter) конструкции Ницше (в «Генеалогии морали») затаенная враждебность («Ressentiment»), определяет (ist die Quelle) характер религиозности, исповедуемой сословиями-париями, но – впрочем, как мы видели – только в ограниченной мере, и не касаясь главного примера, приводимого Ницше (буддизм). Впрочем, этнические истоки возникновения сословий ни в коем случае не являются нормальным явлением. Совсем наоборот. И так как в основе всякого субъективного «этнического» чувства общности ни в коем случае не лежат объективные «расовые различия», то правомерно расовые основы сословного членения (Gliederungen) в конце концов в полной мере являются вопросом конкретного отдельного случая: очень часто «сословие», которое все же выражено определенно в очень отчетливой (stark extrem) форме и основывается на отборе лично квалифицированных (рыцарское сословие: годные к военному делу в физическом и психическом отношении), со своей стороны является средством создания (Reinzüchtung) соответствующего антропологического типа. Но личный отбор далек от того, чтобы быть единственным или преимущественным путем формирования сословий: политическая принадлежность или классовое положение решает, по меньшей мере, столь же часто, и сегодня последнее преобладает. Поэтому возможность «сословного» образа жизни, в соответствии с порядком вещей, по обыкновению обусловлена экономически.

В практическом отношении сословное членение (Gliederung) всегда совпадает с монополизацией идеальных и материальных благ или шансов способом, уже известным нам как типичный. Наряду с сословной честью, которая всегда основана на дистанции и исключительности, и наряду с преимуществами в чести как, например, с привилегией на право носить определенную одежду, принимать определенную, табуированную для других пищу, на в своих последствиях в высшей мере ощутимую привилегию ношения оружия, праве на определенные виды занятий искусством (определенные музыкальные инструменты и т.д.),

не служащие целям промысла и имеющие непрофессиональный характер, существуют и всевозможные материальные монополии. Исключительно редко, но почти всегда в какой-нибудь мере отчасти они дают непосредственно, естественно, действеннейшие мотивы для сословной исключительности. С точки зрения сословного брака, монополии на руки дочерей из данного круга помогает равным образом, по меньшей мере, интерес семей на монополизацию потенциального жениха, входящего в этот круг, для обеспечения именно этой дочери. Конвенциональные шансы предпочтения при вступлении в определенную должность увеличиваются с ростом сословной замкнутости вплоть до уровня правовой монополизации определенных должностей (Ämter) определенными сословно ограниченными группами. Определенные блага, повсюду в типичном порядке «рыцарское имущество», часто также и собственность на крепостных и зависимых, наконец, определенные роды занятий становятся предметом сословной монополизации. Как позитивно: так, что *именно* данное сословие владеет определенным имуществом или может заниматься определенными видами деятельности, так и негативно: так, что это сословие для поддержания своего специфического образа жизни *не* может владеть этим имуществом и заниматься этими видами деятельности. Поэтому решающая роль «образа жизни» для сословной «чести» влечет за собой то, что «сословия» являются специфическим носителем всех «конвенций»: все «стилизации» жизни, как бы они не выражались, либо имеют сословное происхождение, либо сохраняются (konserviert) сословиями. При всем значительном разнообразии принципы сословных конвенций все же обнаруживают у высокопривилегированных слоев определенные типичные черты. В общем и целом для сословно привилегированных групп существует сословная дисквалификация в отношении простого физического труда, что, вопреки прежним этому явно противостоящим традициям, появляется сейчас и в Америке. Очень часто всякая рациональная экономическая деятельность (Erwerbtätigkeit), в особенности «предпринимательская деятельность», считается сословно дисквалифицирующей и в качестве обещающего труда рассматривается также и труд скульптора, художника и писателя, поскольку им занимаются для заработка (Erwerb) или, по меньшей мере, там, где он связан с тяжелыми физическими усилиями, как, например, в случае скульптора, работающего подобно каменотесу в пыльной блузе, в отличие от художника в его «ателье», напоминающем салон, и от сословно приемлемых форм занятий музыкой.

Столь частая дисквалификация «экономически активных» (Erwerbtätigen) как таковых, наряду с также относящимися к делу отдельными основаниями, является прямым следствием «сословного» принципа построения социального порядка и его противоположности по отношению к чисто рыночному регулированию распределения власти. Рынок и соответствующие ему экономические процессы, как мы убедились, не знали никакого «почитания личности» («Ansehen der Person»): над ним господствуют «вещные» интересы. Он ничего не знает о «чести». Сословный порядок означает прямо противоположное: расчленение в соответствии с честью и сословным образом жизни и ему как таковому грозит опасность, если обычная экономическая деятельность (ökonomischen Erwerb) и обычная, голая, с печатью своего внешнего по отношению к данному сословию происхождения на лбу чисто экономическая власть как таковая, каждому, кто добился ее, может принести равную или – так как обычно равная сословная честь все же всегда располагает в качестве непризнанного дополнения (Superadditium) еще и собственностью – даже в соответствии с успехом еще и большую честь, чем на нее могли бы претендовать в силу своего образа жизни представители данного сословия (ständischen Interessenten). Оттого привилегированные представители (Interessenten) любого сословного расчленения (Gliederung) всегда со специфической остротой реагировали непосредственно на претензии чистой экономической деятельности (Erwerb), и делали это тем более остро, чем в большей степени они чувствовали опасность для себя: уважительное отношение к крестьянам у Кальдерона в противоположность к прозвучавшему в это же время презрению к ним как к «канальям» у Шекспира показывает различие реакций устойчивого сословного расчленения (Gliederung) и эко-

номически шаткого, что является выражением повсеместного положения дел (Sachverhalts). Именно поэтому сословно привилегированные группы ни в коем случае не воспринимали с действительной безоговорочностью данного «парвеню» лично – он мог лишь как можно более полно приближать свой образ жизни к образу жизни этих привилегированных групп – но только его потомков, которые были воспитаны в духе сословных конвенций своего слоя и их сословная честь не была запятнана из-за занятий трудом для заработка (Erwerbsarbeit).

Соответственно этому, в качестве *следствия* сословного расчленения (Gliederung) можно установить, конечно, только один действительно очень важный момент: препятствование свободному развитию рынка. В первую очередь это касается тех благ, от которых сословия отделены благодаря монополизации свободного обращения – независимо от того, осуществляется это правовым или конвенциональным путем – как, например, в случае передаваемых по наследству благ во многих древнегреческих городах специфически сословной эпохи и (как показывает древняя формула взятия под опеку растратчиков) первоначально также и в Риме, равно как и в случае рыцарского имущества (Rittergüter), крестьянского имущества и имущества священнослужителей и, прежде всего, в случае клиентуры для цехового ремесла или торговли гильдий. Рынок ограничивается тем, что власть чистой собственности (Besitzes) как таковой, которая отмечает «классообразование», отодвигается на второй план. Последствия этого могут быть самыми различными и, конечно, ни в коем случае не заключаются с необходимостью в смягчении контрастов экономической ситуации; часто происходит совсем противоположное. Но, конечно, о действительно свободной рыночной конкуренции в современном смысле слова нет никакой речи там, где сословное расчленение общности осуществляется столь последовательно и жестко, как это было характерно для всех политических общностей античности и средневековья. Но еще более важным, чем это прямое воспрепятствование обращению на рынке определенных благ, является то проистекающее из упомянутой противоположности сословного и чисто экономического порядка обстоятельство, что сословное понятие о чести в большинстве случаев непосредственно противостоит рынку как таковому (das Spezifische des Markts): торговое как таковое отвергается с презрением, как для товарищей по сословию, так и в отношении членов сословия в целом, и что оттого существуют сословия вообще, и, прежде всего, самые влиятельные, для которых почти всякий вид открытого участия в экономической деятельности считается в полном смысле позорящим их честь пятном.

Можно было бы с довольно сильным упрощением сказать, что «классы» расчленяются в соответствии с отношением к производству и распределению (Erwerb) благ, «сословия» – в соответствии с принципами потребления благ в форме специфических видов «образа жизни». Также и «профессиональное сословие» является «сословием», т.к. оно успешно претендует на социальную «честь» обычно лишь в силу обусловленного профессией «образа жизни». Различия смешиваются, конечно, часто, и явно выраженные сословные общности, например, индийские касты, прямо в соответствии со своей честью, показывают сегодня – конечно, внутри определенных, но очень устойчивых границ – относительно высокую меру безразличия по отношению к «экономической деятельности» («Erwerb»), собственноручно которой брахманы пытаются заниматься в самых различных формах.

Об общих экономических условиях господства «сословного» расчленения (Gliederung) можно сказать в общем виде в связи с установленным выше, что ей благоприятствует определенная (относительная) стабильность основ производства и распределения благ, в то время как всякие технико-экономические потрясения и преобразования грозят ей и выдвигают на первый план «классовое положение». Периоды и страны с преимущественным значением чистого классового положения – это, как правило, эпохи технико-экономических переворотов, в то время как каждое замедление экономических процессов расслоения тотчас же ведет к выростанию «сословных» образований и вновь восстанавливает социальную «честь» в ее значении.

В то время как «классы» укоренены в «хозяйственном порядке», сословия – в «социальном порядке», следовательно, в сфере распределения «чести», и, исходя из этого, влияют друг на друга и на правовой порядок и, в свою очередь, испытывают его влияние, *partii* коренятся в сфере «власти». Она нацелена на социальную «власть», а это значит, на влияние на общественное действие, равно как и на его содержание: партии можно обнаружить в одном товарищеском «клубе», равным образом, как и в «государстве». «Партийное» («*parteimässige*») общественное действие всегда содержит в себе, в противоположность общественным действиям, связанным с «классами» и «сословиями», для которых это не является характерным, созданные отношения (*Vergesellschaftung*). У партий всегда существует планомерно преследуемая цель, будь то «предметная» – проведение программы ради идеальных или материальных целей, будь то «личная» – доходы, власть и, как следствие этого, честь для своего руководителя (*Führer*) и его сторонников, а, скорее всего, обычно преследуются все эти цели одновременно. Оттого они возможны только внутри общностей, которые, со своей стороны, в какой-то мере были основаны на созданных отношениях (*vergesellschaftung sind*), следовательно, обладают каким-либо рациональным порядком и аппаратом из людей, которые готовы к осуществлению этого порядка. Целью партий является влияние на этот аппарат и, насколько это возможно, построение его из сторонников партии. Они могут представлять в каждом отдельном случае интересы, обусловленные «классовым положением» или «сословным положением», и соответственно этому рекрутировать своих сторонников. Но партии не нуждаются в том, чтобы быть ни чистыми классовыми, ни чистыми «сословными» партиями, и большей частью являются таковыми только отчасти, а часто даже и не являются ими вовсе. Они могут представлять из себя и эфемерные, и долговременные (*perennirende*) образования (*Gebilde*) и средства, используемые ими для достижения власти, могут быть самыми различными: от голой власти всякого рода вплоть до вербовки избирательных голосов грубыми или тонкими средствами: с помощью денег, социального влияния, власти слова, внушения и примитивного одурачивания (*plumpe Übertölpelung*), и вплоть до более или менее грубой или искусной тактики обструкции внутри парламентских корпораций. Их социальная структура существенным образом отличается от социальной структуры тех общественных действий, за влияние на которые они борются, в зависимости, прежде всего, от того, например, расчленена ли общность по сословному или классовому принципу или же нет, и в зависимости от структуры «господства» внутри этого общественного действия. Речь идет о завоевании этого господства для своего вождя. Они не являются в общем смысле, который мы здесь устанавливаем, порождением только специфических современных форм господства: также и античные, и средневековые партии мы хотим охарактеризовать как таковые, несмотря на столь существенное отличие их структуры от структуры современных партий. Но, конечно, вследствие этого различия структуры господства в различных исторических общностях, о структуре партии, которая является постоянно борющимся за власть образованием, и оттого сама по себе, как правило, является очень жестко, «авторитарно» («*herrschaftlich*») построенной, ничего нельзя сказать без рассмотрения структурных форм социального господства в целом. Оттого мы сейчас отвлекаемся от этого ключевого феномена, характерного для всего социального.

О «классах», «сословиях» и «партиях» нужно сказать, в общем, прежде всего, еще следующее: из того, что они необходимо предполагают всеобъемлющие созданные отношения (*Vergesellschaftung*), и особенно это касается политического общественного действия, внутри которого развивается их сущность, не вытекает то, что они сами по себе связаны с границами отдельной политической общности. В противоположность этому, на повестке дня издавна было самое разнообразное – от солидарности интересов олигархов и демократов в древней Греции, гвельфов и гибеллинов в средневековье, кальвинистской партии в эпоху религиозных войн до солидарности землевладельцев (международный аграрный конгресс), князей (Священный союз, Карлсбадские соглашения), социалистических рабочих, консерваторов (страстное желание прусских консерваторов русской интервенции в

1850), – что созданная общность (*Vergesellschaftung*), а именно созданная общность, нацеленная на совместное использование военной силы, выходит за границы политических союзов. Только ее целью при этом является не установление нового международного, политического – а это значит – господства над *территорией*, а большей частью установление влияния на существующее господство.

*Перевод А.Б. Рахманова*³

---

³ **Рахманов Азат Борисович** – кандидат философских наук, научный сотрудник социологического факультета МГУ им. Ломоносова.